

Так живёт Шоу

В маленькой деревушке Эйот Сент Лоуренс, на юге Англии, живёт и работает Джордж Бернард Шоу, один из крупнейших драматургов нашей эры. 26 июля ему исполнилось девяносто лет. В 1945 году после шестилетнего перерыва Шоу начал писать новую пьесу. Он работает над ней каждое утро в «Уголке Шоу» — вращающейся беседке в саду, которая устроена так, что писатель всё время находится на солнце. Он редко выезжает в Лондон, и его квартира на набережной в столице пустует: Шоу предпочитает свой домик в деревне.

Новая пьеса, которая, по его определению, непохожа ни на «Жанну д'Арк», ни на «Пигмалиона», — «это комедия на злобу дня».

Свою комедию Шоу пишет стенографическими значками, или «фонографией», как предпочитает называть свою систему писатель.

«Я пишу новую пьесу, как и все свои произведения за последние шестьдесят лет, с помощью фонографии» (этого до сих пор никто не знал). «Я стал драматургом лишь в тридцать восемь лет, к тому времени я овладел питмановской системой фонографии. Я настаиваю на этом термине потому, что стенография обычно означает дословную передачу, которая бесполезна для писателя. Репортёр с помощью её записывает сто пятьдесят слов в минуту. Я же всегда пишу двенадцать слов в минуту».

«Диккенсу приходилось писать все свои романы обычным рукописным шрифтом, он тратил годы своей жизни просто на то, чтобы писать по-английски по древней фонетической системе, в которой пять гласных должны заменять четырнадцать», — сказал Шоу.

Он считает, что всякая здоровая литературная работа выполняется между первым и вторым завтраком на свежем воздухе. На вопрос корреспондента, сколько времени ему требуется на то, чтобы написать пьесу, Шоу ответил, что это зависит от величины пьесы и сложности сценического оборудования.

«Тот, кто пользуется штампованными фразами и никогда не остановится, чтобы подумать, может написать несколько тысяч слов в день с помощью большего или меньшего количества алкоголя. Тысяча слов в день в среднем — норма вполне достаточная для меня, — говорит Шоу, — если я должен обдумывать каждое из них. Но всё это я пишу между первым и вторым завтраком».

Такие люди, как Бальзак или Гендель, создавший «Мессию», берутся за работу и не прекращают её ни днём, ни ночью, пока не закончат её, подерживая свои силы кофе. Таким образом, стремительный писатель может написать пьесу за две недели. Были и такие драматурги, которые писали пьесы по пять шиллингов за акт и заканчивали пятый акт, когда четвёртый шёл на сцене.

Я могу легко написать все диалоги большой пьесы за два месяца, если не буду отвлекаться, но у меня столько же времени или больше займут всякие сценические указания — это тяжёлая, скучная работа. Я скорее написал бы все диалоги в «Гамлете», чем решил бы, с какой стороны должно появиться привидение, или рассчитать, сколько времени потребуется Офелии, чтобы переменить платье.

Пьесы начинаются по-всякому. Я могу сесть за стол, не имея ни малей-

шего представления о том, какую пьесу буду писать, зная лишь, что я должен написать пьесу, — и пьеса приходит. И хорошая пьеса, если только я не пишу на тему, которая мне надоедает... Большинство настоящих пьес начинается с драматической ситуации — пьеса есть лишь способ выявить эту ситуацию.

Затем имеется вид пьесы, развивающей определённый тезис. «Назад к Мафусаилу» есть драматизация тезиса, который гласит, что не поведение наше влияет на приобретённый опыт, а наши ожидания и что жизнь в настоящее время слишком коротка, чтобы принимать её всерьёз.

Тема может находиться в голове драматурга полчаса или полжизни, прежде чем он воспользуется ею для пьесы. Мысль о том, что Жанна д'Арк была одной из первых протестанток, пришла мне во время чтения материала её судебного процесса. Но я написал о Жанне д'Арк только через много лет по совету моей жены...»

После того как пьеса написана, Шоу подвергает её тщательному пересмотру и обработке. «У меня сознание художника, — заявил Шоу, — которое не позволяет мне оставить работу до тех пор, пока она не станет настолько хороша, насколько я в силах её сделать в данный момент».

Кроме того я пишу теперь слишком много, мне приходится потом сокращать пьесу на целую треть, чтобы сделать из неё единое целое и держаться в определённых границах времени».

Драматургия составляет лишь часть многообразной деятельности Шоу.

В последнее время ряд его пьес перенесён на экран. Фильмы сделаны по пьесам «Пигмалион», «Майор Варвара» и «Цезарь и Клеопатра». Руководил постановками Габриэль Паскаль; Клеопатру играет Вивиан Ли (известная у нас по картине «Леди Гамильтон»), Цезаря — Клод Рейнз. Как сообщают американские газеты, этот фильм обошёлся не менее пяти миллионов долларов. В Африку для съёмки был даже привезён из Англии макет сфинкса, так как настоящий сфинкс оказался слишком древним на вид.

У Шоу обширная корреспонденция, и хотя он отвечает не на все письма, которые получает, но прочитывает каждое.

Шоу, дожив до девяноста лет, остаётся здоровым и бодрым умственно и физически. Он уже давно убеждённый вегетарианец.

Когда один корреспондент спросил его: «Чем объяснить, что в семьдесят девять лет вы так полны сил и энергии? Можно ли это отнести за счёт того, что вы не пьёте спиртных напитков и не едите мяса?», — Шоу ответил: «Мои ближайшие родственники, которые не воздерживались ни от алкоголя, ни от мяса, жили так же долго, как и я».

Шоу убеждён, что человек может и в недалёком будущем жить не менее трёхсот лет или даже больше, как некоторые персонажи его пьесы «Назад к Мафусаилу».

Иногда Шоу задают вопрос, какая из его пьес нравится больше всего ему самому.

«Мои пьесы — не скаковые лошади, — отвечает Шоу, — мне некогда заниматься ими после того, как они закончены и выпущены в свет».

С. К.